

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ПОЛИТИКА СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ВОДНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

С.С. Жильцов

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье анализируется ситуация в сфере водных ресурсов трансграничных рек, сложившаяся в Центральной Азии после распада СССР, когда был разрушен действующий ранее механизм взаимного учета интересов всех среднеазиатских республик. Особое внимание уделено исследованию факторов, оказывающих влияние на формирование и реализацию политики стран Центральной Азии в области использования водных ресурсов. Сопоставлена международно-правовая база, регулирующая конфликтные ситуации в сфере водных ресурсов трансграничных рек с правовыми документами центрально-азиатских государств. Проанализированы причины неудач создания многостороннего механизма по разрешению спорных ситуаций, возникающих между центрально-азиатскими странами при использовании водных ресурсов трансграничных рек.

Ключевые слова: водные ресурсы, вододеление, трансграничные реки, Центральная Азия, гидроэнергетика

После распада СССР одной из ключевых проблем для стран Центральной Азии, к которой относятся Казахстан, Киргизия, Туркменистан, Таджикистан и Узбекистан, стала проблема вододеления [7. С. 49—62]. Прежде всего это касалось распределения водных ресурсов трансграничных рек между странами региона.

Формирование поверхностного водостока крупными трансграничными реками имеет комплексный характер, объединяя в себе экономические, водно-энергетические, экологические и политические проблемы. Основной причиной обострения отношений между странами верхнего течения (Таджикистан, Киргизия) и нижнего течения (Казахстан, Туркменистан, Узбекистан) трансграничных рек выступает режим водостока.

Особенностью Центральной Азии является крайняя неравномерность в распределении водных ресурсов. Регион расположен в зоне, подверженной периодическим засухам, последствия которых сказываются в первую очередь на производстве сельскохозяйственных культур, выращивание которых основано на орошении.

Большая часть используемой в регионе воды берется из двух главных рек — Сырдарья и Амударья, которые формируются в горах Памира и Тянь-Шаня. Сырдарья течет из Киргизии через Таджикистан в Узбекистан (в том числе через густонаселенную Ферганскую долину) и Казахстан, Амударья — из Таджикистана в Узбекистан и Туркменистан. Водные ресурсы Сырдарьи, среднемноголетней сток которой равен 37 км^3 , распределяются следующим образом: 74% приходится на Киргизию, 14% на Узбекистан, 9% на Казахстан и 3% на Таджикистан. Более 80% стока Амударьи, среднемноголетний сток которой равен 78 км^3 , формируется на территории Таджикистана, 6% на территории Узбекистана, 2,4% в Киргизии, 3,5% в Туркменистане (с Ираном) и 7,9% в Афганистане.

Разрушение системы, которая существовала в СССР, привело к взаимным неурегулированным претензиям стран Центральной Азии. Они касались, прежде всего, определения объемов водозаборов. В СССР регулирование речного стока трансграничных рек было направлено на сбалансированное экономическое развитие всех пяти среднеазиатских республик, сочетающих выработку электроэнергии и развитие аграрного сектора экономики [14. С. 50—51]. Критерием работы водохранилищ была максимальная общая выгода [4. С. 4].

Переход к рыночной экономике, снижение инвестиций в сектор водопотребления, изменение режима работы крупных водохранилищ (перевод из ирригационного режима в энергетический) — все это толкало страны региона к односторонним действиям. Так, стремление увеличить производство гидроэнергии странами верхнего течения противоречило интересам стран нижнего течения, чья ирригационная политика требовала иного подхода к использованию водных ресурсов.

Подобные нестыковки и расхождения интересов в использовании водно-энергетических ресурсов обострило отношения между отдельными странами Центральной Азии и негативно сказалось на межгосударственных отношениях в регионе.

После обретения независимости страны Центральной Азии стали самостоятельно распоряжаться водными ресурсами трансграничных рек. При этом в отношениях между собой страны региона первоначально пытались воспользоваться опытом, который был накоплен в период Советского Союза. Важнейшим политическим шагом стала инициатива первых лиц национальных водохозяйственных ведомств государств Центральной Азии о принятии в октябре 1991 г. Ташкентского заявления. Оно стало отправной точкой переговорного процесса между центрально-азиатскими государствами в сфере использования водных ресурсов трансграничных рек.

В заявлении речь шла о совместном использовании водных ресурсов на общих принципах, с учетом интересов всех сторон [13. С. 31—42].

В развитие встречи в Ташкенте 18 февраля 1992 г. в Алма-Ате (Казахстан) было подписано межправительственное соглашение «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников» и соглашение о создании Межгосударственной коор-

динационной водохозяйственной комиссии (МКВК). Страны региона подтвердили свои позиции сохранить действовавший режим управления водными ресурсами бассейнов Амударьи и Сырдарьи и придерживаться сложившихся подходов к разделу трансграничных водных ресурсов. Речь шла о протоколе № 413 Научно-технического совета Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР по Сырдарье, подписанного в феврале 1984 г., и протоколе № 566 Научно-технического совета Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР по Амударье, подписанному в сентябре 1987 г. Данные документы предусматривали годовое распределение воды между странами бассейна Аральского моря, хотя сезонное распределение в них учтено не было [9. С. 140—153]. Однако договора и соглашения, заключенные в советский период, не соответствовали интересам стран верховья трансграничных рек.

Наиболее остро межгосударственные противоречия проявлялись в отношении режимов водопользования в бассейне реки Сырдарья, в водохранилищах Нарын-Сырдарьинского каскада, прежде всего Токтогульского [10. С. 68]. В советское время сток Сырдарьи регулировался водохранилищами Нарын-Сырдарьинского каскада, в первую очередь Токтогульским, в режиме, который был направлен на орошение в Казахстане и Узбекистане.

Впервые симптомы конфликтности проявились в 1993 г., когда Узбекистан за долги оставил Киргизию без газа. В ответ Бишкек осуществил сброс из Токтогульского водохранилища [5. С. 68—88]. Изменение графика работы Токтогульского водохранилища Киргизия объяснила необходимостью производства электроэнергии в зимний период и накопления ее в летний период.

К изменению политики Киргизии в сфере использования водных ресурсов подталкивали объективные факторы: разрыв экономических связей в рамках региона, увеличение стоимости углеводородных ресурсов. В результате Киргизия, как и Таджикистан, столкнулись с энергетическим кризисом, который усиливал их заинтересованность в одностороннем порядке изменить режим работы водохранилищ и использовать водные ресурсы исключительно в собственных интересах.

После 1993 г. режим работы Токтогульского каскада был изменен. Вода летом стала накапливаться, а зимой спускаться. Данное изменение было продиктовано заинтересованностью Киргизии осуществлять производство электроэнергии в зимний период.

Несмотря на расхождение интересов, в том же году страны Центральной Азии вновь попытались устранить разногласия по вопросу вододеления и совместного использования водных ресурсов. Было принято «Соглашение о сотрудничестве в сфере совместного управления, использования и охраны водных ресурсов межгосударственных источников». Однако этот документ также оказался неработающим.

В 1995 г. страны Центральной Азии сделали очередную попытку решить спорные вопросы в сфере водных ресурсов, приняв Нукусскую декларацию. В ней была отмечена важность ранее подписанных соглашений, регулирующих отно-

шения в сфере водных ресурсов. Страны региона подтвердили приверженность принципу использования водных ресурсов в интересах всех государств. Затем было принято еще несколько документов, но и они не решили конфликты между странами Центральной Азии.

В 1998 г. было заключено соглашение между Казахстаном, Киргизией и Узбекистаном «Об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья». Таджикистан присоединился к документу в 1999 г. Данный документ имел рамочный характер, хотя в нем были зафиксированы принципы компенсаций. При этом в нем не был описан экономический механизм взаимоотношений между гидроэнергетикой и ирригацией [12. С. 59—72]. В итоге страны нижнего течения летом, в период наибольшей потребности в воде, стали испытывать ее дефицит, а зимой — сталкиваться с подтоплениями и затоплениями водохозяйственных объектов.

Принимаемые документы не способствовали решению проблемы распределения водных ресурсов трансграничных рек, поскольку не были подкреплены практическими механизмами компенсаций. Страны нижнего течения не готовы были компенсировать потери от изменения режима работы водохранилищ странам верхнего течения. Более того, каждое из государств региона рассчитывало самостоятельно решить возникающие проблемы в сфере водных ресурсов и через давление на соседей добиться положительного для себя результата.

Фактически речь шла о конфликте национальных программ развития всех центрально-азиатских государств [3. С. 29]. В результате между Туркменистаном и Узбекистаном, Киргизией и Таджикистаном, Казахстаном и Киргизией периодически обострялись межгосударственные отношения по вопросу использования водных ресурсов трансграничных рек.

Причины конфликтных ситуаций между странами региона в сфере водных трансграничных ресурсов следует искать в том числе в положениях, которые отражены в национальном законодательстве. основополагающие документы центрально-азиатских стран четко позиционируют воду в качестве ресурса, принадлежащего государству.

Так, в Водном кодексе Казахстана (статья 8), принятом в июле 2003 г., говорится об исключительной собственности государства на водные ресурсы.

Аналогичное положение содержится в законе Киргизии «О воде» (статья 5), принятом в январе 1994 г.

В Водном кодексе Таджикистана (статья 4), принятом в декабре 1993 г., водные ресурсы рассматриваются в качестве исключительной собственности государства.

В Законе Узбекистана «О воде и водопользовании» (статья 3), принятом в мае 1993 г., говорится о принадлежности государству водных ресурсов. Схожая позиция отражена в Водном кодексе Туркменистана, принятом в июне 1993 г.

Данные документы в последствии дополнялись и уточнялись, однако главный тезис в них оставался неизменным — водные ресурсы являются исключительной собственностью государства, которые по своему усмотрению регулируют их использование.

Особенно четко данный подход проявился у стран верхнего течения, которые стали отстаивать позицию о единоличном владении водными ресурсами. В 2001 г. в Киргизии был принят закон «О межгосударственном использовании водных объектов, водных ресурсах и водохозяйственных сооружений Кыргызской Республики». В указанном документе подчеркивались права страны на водные ресурсы и водохозяйственные объекты в пределах границ государства, а кроме того, отмечалось, что вода имеет стоимость. Схожую позицию занимал Таджикистан.

Страны региона придерживались собственных представлений относительно использования водных ресурсов трансграничных рек. Более того, во многих внутригосударственных законах стран Центральной Азии, двусторонних и многосторонних соглашениях отсутствует определение «трансграничные реки». В основном используются термины «водный ресурс», «водно-энергетический ресурс» и т.п.

Подобный подход противоречит положениям международного права, в котором рассматриваются вопросы трансграничных водных ресурсов, и порождает значительные трудности в использовании международного законодательства [9. С. 140—15].

ООН был принят ряд документов, регулирующих использование и охрану международных водотоков. Среди них следует выделить Конвенцию по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (март 1992 г.) и Конвенцию о праве судоходных видов использования международных водотоков, принятую в мае 1997 г. Согласно этим документам освоение трансграничных водных ресурсов должно проводиться совместно, с учетом взаимных интересов тех государств, через которые эти реки текут. Конвенции не давали четких ответов о путях решения возникающих споров, тем не менее, они могли стать основой для последующей разработки законодательной базы применительно к трансграничным рекам Центральной Азии.

Центрально-азиатские государства, за исключением Казахстана, не ратифицировали международные документы и в реализации своей политики в отношении водных ресурсов трансграничных рек продолжают ориентироваться на достижение двусторонних договоренностей.

Недостаточно четкое понимание и весьма слабое применение государствами Центральной Азии принципов и норм международного права в области использования и охраны трансграничных ресурсов являлось одним из сдерживающих факторов в решении существующих в регионе проблем [1. С. 226—244].

В результате страны разделились на тех, кто заинтересован в энергетическом режиме работы водохранилищ, и тех, которые выступают за ирригационный режим, что сказывается на их подходах к формированию и реализации политики в сфере водных ресурсов трансграничных рек.

Схожие позиции относительно использования трансграничных водных ресурсов региона занимают Таджикистан и Киргизия. Эти государства наиболее активно выступают за освоение водных ресурсов, строительство гидроэнергетических объектов, видя в этом возможность укрепления своей энергетической безопасности и дополнительный источник получения дохода.

Киргизия придерживается позиции, что подписанные между странами соглашения по трансграничным водным ресурсам ущемляют интересы страны. Киргизскую сторону не устраивают соглашения, подписанные после 1992 г., поскольку они зафиксировали приверженность советской системе использования водных ресурсов трансграничных рек, в основе которой лежал учет интересов всех сторон и ориентация работы водохранилищ на ирригационный режим. Не случайным следует считать принятие в июне 2011 г. Киргизией закона «О межгосударственном использовании водных объектов, водных ресурсов и водохозяйственных сооружений».

В Киргизии предлагают пересмотреть механизмы взаиморасчетов с соседними странами за использование своих гидроузлов в ирригационном режиме. В этих целях выдвигаются предложения по введению платы за воду как за отдельный ресурс с экономическим значением или выплат компенсаций за содержание водной инфраструктуры [2. С. 13—18]. Киргизские власти подсчитали, что если Казахстан и Узбекистан начнут платить за воду хотя бы по минимуму, это будет приносить стране порядка 350 млн долл. ежегодно.

Соседние государства, которые находятся с Киргизией в едином водно-энергетическом кольце, не хотят покрывать все ее издержки на содержание гидротехнических сооружений. Между тем затраты на поддержание ГЭС в рабочем состоянии и понесенный ущерб от неиспользуемых затопленных территорий ежегодно составляет порядка 120 млн долл., что равно почти пятой части бюджета Киргизии.

Схожие взгляды отстаивает Таджикистан, который настойчиво продвигает идею строительства новых крупных гидроэнергетических объектов на трансграничных реках. Так, Таджикистан продолжает курс на строительство Рогунской ГЭС, против чего категорически возражает Узбекистан. В случае ее строительства Таджикистан рассчитывает не только решить проблему с полноценным обеспечением электричеством всей страны, но и экспортировать ее в Афганистан и Пакистан. Пока реализации таджикских планов препятствует отсутствие инвестора и недостаток собственных средств. Данные факторы, а также экологические и техногенные риски не уменьшают решимости Таджикистана достроить данный объект.

Страны нижнего течения вынуждены реагировать на политику своих соседей, контролирующих сток трансграничных рек. Туркменистан реализует масштабные проекты по созданию искусственных водохранилищ в Каракумах, которые должны будут соединиться с Амударьей каналом. Национальная программа «Стратегия экономического, политического и культурного развития Туркменистана на период до 2020 года» предусматривает, что суммарная емкость всех водохранилищ страны должна достигнуть 11 млрд м³. Реализация столь масштабного проекта может обострить проблему обеспечения водными ресурсами соседних государств Центральной Азии, расположенных в бассейне реки Амударьи, ухудшить экологическую ситуацию в прилегающих к Аральскому морю территориях.

На долю Узбекистана приходится почти половина воды, которая потребляется в регионе. В этой связи любое изменение в использовании трансграничных рек

или строительство новых гидросооружений затрагивает интересы Узбекистана. Наличие у Узбекистана аграрного сектора является существенным фактором в определении позиции страны относительно распределения трансграничных водных ресурсов. В этом вопросе Узбекистан вынужден сотрудничать с Таджикистаном и Киргизией.

Водные ресурсы, прежде всего их объем, поступающий в Узбекистан, оказывают прямое влияние на количество выращиваемого хлопка. Нехватка воды вынудила Узбекистан в 2008 г. принять решение о сокращении площадей хлопчатника. Также существует проблема, связанная с деградацией почв в силу изношенности ирригационной сети. В результате отсутствие водосберегающих технологий и нехватка средств на улучшение систем мелиорации ведет к дефициту воды для полива.

Страны верховья, в отличие от стран низовья, имеют перспективы для развития. Согласно различным оценкам, гидроэнергетический потенциал используется Киргизией и Таджикистаном не более чем на 10%, в то время как сельское хозяйство, которое активно развивают страны нижнего течения, при уменьшающихся объемах водных ресурсов и увеличивающейся численности населения сталкивается с серьезными трудностями. Более того, в последние годы водные ресурсы трансграничных рек полностью разобраны.

Еще в конце 1980-х гг. ученые констатировали факт полного разбора рек Амударья и Сырдарья. Это стало причиной катастрофы, которая постигла Аральское море [8]. В целом в Центральной Азии происходит сокращение водных ресурсов, что связано с уменьшением площади ледников и изменением климата. Это делает труднодостижимыми задачи по увеличению сельскохозяйственных площадей и развитию промышленности странами нижнего течения.

На протяжении более чем двадцати лет в странах верховья и низовья трансграничных рек проходят диаметрально противоположные процессы. В то время как страны нижнего течения разрабатывают программы по снижению дефицита водных ресурсов (последний пример — утверждение в апреле 2014 г. Президентом Казахстана программы управления водными ресурсами), страны верховья прорабатывают масштабные планы по строительству новых крупных ГЭС, за счет которых предполагается решить экономические проблемы.

Данный курс последовательно проводит Таджикистан и Киргизия, которые намерены в больших объемах использовать водные ресурсы. Тем более что для этого есть определенные условия. Из 49 км³ водных ресурсов, формирующихся в Киргизии, страна использует около 25%, что позволяет строить планы по увеличению данного показателя [17. С. 14—15].

За двадцатипятилетний период, который прошел после распада СССР, страны региона не сумели преодолеть противоречия в сфере вододелия и выработать механизм взаимного учета диаметрально противоположных интересов, предпочитая ориентироваться исключительно на национальные интересы, которые преобладают над межгосударственными отношениями. Кроме того, межгосударственные противоречия усиливаются исторически накопленными противоречиями [16. С. 119—148].

Пока странам не удается достичь договоренности о прямой оплате за водные ресурсы, и расчет осуществляется по бартеру: газ за воду (Узбекистан — Киргизия и Таджикистан) или вода за электроэнергию (Таджикистан — Казахстан) и т.д.

Все известные направления рационального использования водных ресурсов в Центральной Азии имеют технические и экономически оправданные пределы. Так, уже не первый год идут споры о том, как использовать и делить водные ресурсы региона. Примерно 40% всех запасов питьевой воды находятся в Киргизии. Для обеспечения своих потребностей республике с пятиmillionным населением и 6% земель, пригодных для сельского хозяйства, хватает десятой части всего годового стока трансграничных рек. Все остальное идет в Казахстан, Узбекистан и частично в Туркменистан.

В последние годы проблемы, существующие в водно-энергетической сфере между странами Центральной Азии, усугубились. Более того, Таджикистан и Киргизия, расположенные в верховьях трансграничных рек, игнорируют аргументы других стран региона, объединяя свои усилия. Как отмечал посол Киргизии в Таджикистане Мирослав Ниязов, «стратегическое партнерство Таджикистана и Киргизии сулит колоссальные выгоды. Такому партнерству альтернативы нет» [15].

Политические переговоры, проводимые странами региона, не дали положительного результата. В апреле 2015 г. на VII Всемирном водном форуме Президент Туркменистана выступил с предложением созданию Водной стратегии ООН, направленной на развитие диалога между странами региона. О необходимости учитывать интересы друг друга говорилось в июне 2015 г. на Международной конференции высокого уровня, посвященной подведению итогов Международного десятилетия действий «Вода для жизни». Несмотря на многочисленные переговоры, ситуация продолжает ухудшаться. Для стран, расположенных в верховьях рек, хронической стала нехватка энергоресурсов в зимний период, а страны, находящиеся ниже по течению, испытывают острый дефицит воды, необходимой для сельскохозяйственных нужд. По различным оценкам, водные ресурсы смогут обеспечить регион Центральной Азии лишь до 2020—2025 гг. За указанный период суммарный объем водопотребления приоритетными отраслями может достичь такого уровня, за которым их потребность в воде может удовлетворяться за счет сокращения водоподачи на сельскохозяйственные нужды, что в перспективе приведет к необходимости уменьшения орошаемых площадей в регионе. И все это — на фоне ускоренного демографического роста [6. С. 90—100].

Ситуация с водными ресурсами в Центральной Азии стала одним из основных источников возможных межгосударственных конфликтов [11]. Доступ к водным ресурсам и, прежде всего, трансграничных рек, усилил конкуренцию между странами региона. Например, воды Сырдарьи в последние годы едва доходят до середины территории Узбекистана, западные области которого уже практически полностью обезвожены.

По прогнозам, через 15—20 лет водные ресурсы региона сократятся минимум на треть. По данным ООН, к 2040 г. объем годового стока Киргизии составит 19 км³, в то время как в 2006 г. этот показатель был равен 55 км³. Между тем только

в ближайшие десять-пятнадцать лет потребность в воде в регионе может увеличиться на 40%, что не может не отразиться на конфликтном потенциале региона. Недостаток водных ресурсов во многом ограничивает экономическое развитие государств Центральной Азии [13. С. 31—42].

Решение проблем совместного использования водно-энергетических ресурсов в Центральной Азии имеет не только решающее экономическое, экологическое значение, но и политическое и международное значение. По сути — это один из основных факторов формирования в регионе зоны стабильности, экономического развития и экологической безопасности.

Наличие большого количества подписанных документов не приблизило страны Центральной Азии к рациональному и взаимовыгодному использованию водных ресурсов, хотя в большинстве из них отмечается необходимость придерживаться принципов общности интересов и не допускать действия, которые могут нанести ущерб другой стороне.

Несмотря на договоренности, которые страны региона периодически достигают, по-прежнему нет механизма совместного управления водными ресурсами.

Основными барьерами, препятствующими принятию действенных мер, направленных на интегрированное управление водно-энергетическим комплексом, являются противоречия в подходах к решению водных проблем. Отсутствие четкого законодательства, регулирующего использование гидроресурсов трансграничных рек, также затрудняет поиск взаимовыгодных решений. Страны Центральной Азии испытывают значительные трудности в сопоставлении топливно-энергетических ресурсов и водных ресурсов, которые каждая из стран региона пока еще предлагает обменивать [2. С. 13—18].

Отсутствие эффективного механизма распределения воды, управления водопользованием и разрешения конфликтов, низкий уровень обмена информацией по вопросам качества воды и ее использования являются препятствиями для регионального сотрудничества в области использования водных ресурсов. Более того, прибрежные страны пытаются разделить выгоды от доступа к воде, а не саму воду, что ведет к осложнению совместного использования трансграничных рек.

Межправительственные соглашения, призванные регулировать использование водных ресурсов трансграничных рек Центральной Азии, не сняли с повестки дня данную проблему. В этой связи выработка механизма, учитывающего интересы всех стран Центральной Азии в использовании водно-энергетического потенциала, остается в числе приоритетов центрально-азиатских государств.

Странам Центральной Азии следует отказаться от прямого сопоставления ценовых параметров на поставляемые водные и энергетические ресурсы, поскольку это затрудняет выработку согласованного механизма их использования. Кроме того, страны региона должны учитывать косвенные потери, связанные с решением последствий, связанных с нарушением доступа к водно-энергетическим ресурсам. Речь может идти о создании надгосударственного органа, состоящего из представителей стран региона, наделенных правом выработки согласованной политики в использовании водно-энергетического потенциала и учитывающего совокупность выгод и потерь каждой из стран.

Подобная работа предполагает разработку совместного баланса по управлению водно-энергетическими ресурсами региона. В его основе должен быть расчет потребностей каждой из стран региона в водных и энергетических ресурсах и пути достижения компромисса в их использовании. Без взаимного учета интересов друг друга страны региона не смогут достичь компромисса. Возврат к советской системе лимитированной подачи воды и системе компенсаций позволит улучшить межгосударственные отношения и будет отвечать интересам всех сторон.

Строительство водно-энергетических объектов странами верховья приведет к дальнейшему ущемлению интересов стран низовья, которые при нынешнем режиме использования действующих водохранилищ и так не имеют перспектив улучшить ситуацию с доступом к водным ресурсам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Аманжолов Ж.М.* Многосторонние международные договоры в обеспечении водной безопасности в Центральной Азии // *Московский журнал международного права*. 2007. № 4.
- [2] *Ауелбаев Б., Ержанов Т.* Политика стран Центральной Азии и водно-энергетические проблемы региона // *Analytic (Казахстан)*. 2009. № 3.
- [3] *Боришполец К.П.* Вода как *Perpetuum Mobile* центрально-азиатской политики // *Вестник Московского университета*. Сер. 12. Политические науки. 2010. № 5.
- [4] *Гриняев С.Н., Фомин А.Н.* Актуальные вопросы применения механизма биржевой торговли для решения водно-энергетических проблем стран Центральной Азии. Аналитический доклад. М.: Центр стратегических оценок и прогнозов, 2009.
- [5] *Гусейнов В., Гончаренко А.* Водные ресурсы ЦАР // *Центральная Азия. Геополитика и экономика региона*. М.: Красная звезда, 2010.
- [6] *Жильцов С.С., Бименова А.Р.* Политика стран Центральной Азии в области использования водных ресурсов трансграничных рек // *Центральная Азия и Кавказ*. 2015. Т. 18. № 1.
- [7] *Жильцов С.С., Зонн И.С.* Борьба за воду // *Индекс безопасности*. 2008. № 3.
- [8] *Зонн И.С., Глянц М.Г.* Аральская энциклопедия. М.О., 2008.
- [9] *Искандархонова Б.А.* Правовое регулирование использования трансграничных рек в Центральной Азии // *Московский журнал международного права*. 2007. № 3.
- [10] *Кузьмина Е.М.* Геополитика Центральной Азии. М.: Наука, 2007.
- [11] *Медведев Н.П., Насиновски В.Е., Скакунов Э.И.* К концепции решения конфликтов в постсоветский период. М.: Сельская молодежь, 1995.
- [12] *Петров Г.* Конфликт интересов между гидроэнергетикой и ирригацией в Центральной Азии. Его причины и пути преодоления // *Центральная Азия и Кавказ*. 2010. № 3.
- [13] *Пикулина М.Л.* Проблема трансграничных водных ресурсов в Центральной Азии // *Казахстан Спектр*. 2013. № 1.
- [14] *Сарсембеков Т., Мироненков А.* Два в одном: можно ли разделить воду и гидроэнергию // *Мировая энергетика*. 2007. № 8.
- [15] Стратегическое водно-энергетическое сотрудничество сулит колоссальные выгоды для Душанбе и Бишкека, — посол Кыргызстана в Таджикистане. 2015. 19 января. URL: <http://ca-news.org/news:1137860>.
- [16] *Сырлыбаева Б.Р.* Управление водными ресурсами как фактор обеспечения безопасности Центральноазиатского региона // *Актуальные проблемы безопасности и сотрудничества в Каспийско-Центральноазиатском регионе: материалы XI Ежегодной Алматинской конференции* (г. Алматы). 20 июня 2013 г. Алматы: КИСИ, 2013.
- [17] *Януш Павлитта* Правовые механизмы сотрудничества в области управления трансграничными водотоками в Центральной Азии // *Центрально-азиатская научно-практическая конференция «Водному сотрудничеству стран Центральной Азии — 20 лет: опыт прошлого и задачи будущего»*. Алматы. 20—21 сентября 2012, Казахстан.

POLITICS OF CENTRAL ASIA: WATER AND ENERGY ASPECT

S.S. Zhiltsov

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

This article analyzes the situation regarding the water resources of the transboundary rivers that developed in Central Asia after the collapse of the Soviet Union when the previous mechanism of mutual account of the interests of all the Central Asian republics broke down. Particular attention is given to the factors that have an impact on the formation and implementation of Central Asian politics regarding water use. A comparison is made of the international legal base that regulates conflicts involving the water resources of transboundary rivers and the legal documents of the Central Asian states. The paper analyzes the reasons for the failure to create a multisided mechanism for resolving the disputes that arise among the Central Asian countries with respect to water use of the transboundary rivers.

Key words: water resources, water apportioning, transboundary rivers, Central Asian, hydropower

REFERENCES

- [1] Amanzholov Zh. M. Mnogostoronnie mezhdunarodnye dogovory v obespechenii vodnoj bezopasnosti v Central'noj Azii. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava*. 2007. № 4.
- [2] Auelbaev B., Erzhanov T. Politika stran Central'noj Azii i vodno-jenergeticheskie problemy regiona. *Analytic (Kazakhstan)*. 2009. № 3.
- [3] Borishpolec K.P. Voda kak Perpetuum Mobile central'no-aziatskoj politiki. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki*. 2010. № 5.
- [4] Grinjaev S.N., Fomin A.N. Aktual'nye voprosy primeneniya mehanizma birzhevoj trgovli dlja reshenija vodno-jenergeticheskikh problem stran Central'noj Azii. Analiticheskij doklad. M.: Centr strategicheskikh ocenok i prognozov, 2009.
- [5] Gusejnov V., Goncharenko A. Vodnye resursy CAR. *Central'naja Azija. Geopolitika i jekonomika regiona*. M.: Krasnaja zvezda, 2010.
- [6] Zhil'cov S.S., Bimenova A.R. Politika stran Central'noj Azii v oblasti ispol'zovaniya vodnyh resursov transgranichnyh rek. *Central'naja Azija i Kavkaz*. 2015. T. 18. № 1.
- [7] Zhil'cov S.S., Zonn I.S. Bor'ba za vodu. *Indeks bezopasnosti*. 2008. № 3.
- [8] Zonn I.S., Gljanc M.G. Aral'skaja jenciklopedija. M.O., 2008.
- [9] Iskandarhonova B.A. Pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya transgranichnyh rek v Central'noj Azii. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava*. 2007. № 3.
- [10] Kuz'mina E.M. Geopolitika Central'noj Azii. M.: Nauka. 2007.
- [11] Medvedev N.P., Nasinovski V.E., Skakunov Je. I. K koncepcii reshenija konfliktov v post-sovetskij period. M.: Sel'skaja molodezh', 1995.
- [12] Petrov G. Konflikt interesov mezhdru gidrojenergetikoju i irrigacieju v Central'noj Azii. Ego pri-chiny i puti preodolenija. *Central'naja Azija i Kavkaz*. 2010. № 3.
- [13] Pikulina M.L. Problema transgranichnyh vodnyh resursov v Central'noj Azii. *Kazakhstan Spekr*. 2013. № 1.
- [14] Sarsembekov T., Mironenkov A. Dva v odnom: možno li razdelit' vodu i gidrojenergiyu. *Mirovaja jenergetika*. 2007. № 8.
- [15] Strategicheskoe vodno-jenergeticheskoe sotrudnichestvo sulit kolossal'nye vygody dlja Dushanbe i Bishkeka, — posol Kyrgyzstana v Tadzhikestane. 2015. 19 janvarja. URL: <http://ca-news.org/news:1137860>.

- [16] Syrlybaeva B.R. Upravlenie vodnymi resursami kak faktor obespechenija bezopasnosti Central'noaziatskogo regiona. Aktual'nye problemy bezopasnosti i sotrudnichestva v Kaspijsko-Central'noaziatskom regione: materialy XI Ezhegodnoj Almatinskoj konferencii (g. Almaty). 20 ijunja 2013 g. Almaty: KISI, 2013.
- [17] Janush Pavletta Pravovye mehanizmy sotrudnichestva v oblasti upravlenija transgranichnymi vodotokami v Central'noj Azii. *Central'no-aziatskaja nauchno-praktičeskaja konferencija «Vodnomu sotrudnichestvu stran Central'noj Azii — 20 let: opyt proshlogo i zadachi budušhego»*. Almaty 20—21 sentjabrja 2012, Kazahstan.

© Жильцов С.С., 2016.